

22 сент 1912

Gaudeamus.

Gaudeamus igitur,
Juvenes dum sumus.

Врата вѣчности—и комнатка въ студенческой „меблирашеѣ“, Анатѣма—и студентъ Онуфрій—таковъ диапазонъ псканій Леонида Андреева. Океанъ или капля воды—все равно! Лишь бы отражались лучи солнца, дрожа и сверкая. Для художника нѣтъ малаго и великаго. Все—огромно, все значительно, если можетъ помочь выявить-ся его тезѣ. Быть, фантастика—это лишь случайныя средства, за выѣшнимъ многообразіемъ которыхъ таится одна задача, огромная въ своей космической простотѣ. Жизнь, смерть, любовь,—вотъ, что привлекаютъ Андреева, вотъ тайны, къ которымъ вѣчно устремленъ его творческій взглядъ.

„Передъ любовью, да передъ временемъ всякій человѣкъ подлецъ“, говоритъ Онуфрій. Любовь и время—вотъ то, что интересуютъ Андреева въ его новой пьесѣ—неумолимость любви и неумолимость времени.

Въ „Елеазарѣ“ Андреевъ впервые вывелъ мертвеца, бродягаго среди живыхъ. „Старый студентъ“—тотъ же Лазарь, воскресшій, но уже не могущій избавиться отъ печати, наложенной смертью. Гдѣ-то далеко, въ глуши сибирскаго захолустья текла его маленькая и, по своему, счастливая жизнь. Но пришла смерть, почти въ одинъ часъ унесла жену и дочь, смела все счастье этой далекой, безвѣстной жизни и самое жизнь. И вотъ воскресенный появляется среди молодежи, не слишкомъ замѣчательной, не слишкомъ чуткой, среди самой обыкновенной молодежи. Да и онъ, воскресшій, тоже нѣтъ-ли замѣчателенъ. Замѣчателенъ лишь фактъ его воскрешенія, лишь фактъ его безжизненнаго существованія среди живыхъ.

Это не обычная драма отцовъ и дѣтей, это не трагическій моментъ, когда человѣкъ сознаетъ себя старымъ. Нѣтъ, вся трагедія въ томъ, что „Старый студентъ“ считаетъ себя такимъ же молодымъ, какъ окружающіе его, вся трагедія въ томъ, что онъ уже прожилъ положенный ему срокъ счастливой жизни и въ положенный часъ умеръ. И вотъ опять вернулся къ живымъ, и бродитъ среди нихъ, какъ безжизненный призракъ. Онъ не чувствуетъ, что время его уже прошло, что оно неумолимо. Онъ забылъ законы живой, человеческой любви, и въ его увлеченіи Динной Штернъ слышится запахъ разложенія.

А кругомъ самая настоящая, самая

„бытовая“ жизнь. Студенты, курсистки, сходки. И, какъ бы подчеркивая реальность жизненныхъ процессовъ, въ каждомъ дѣйствіи ѣдятъ и пьютъ.

...Gaudeamus igitur,
Juvenes dum sumus,
Post jucundam juventutem,
Post molestam senectutem.
Nos habebit humus...“

„Будемъ радоваться, доколѣ молоды. Всѣхъ насъ покроютъ землей“,—таковъ призывъ окружающихъ стараго студента. Этимъ призывомъ къ радости жизни начинается и кончается пьеса. „Gaudeamus“—„будемъ радоваться!“

Таковъ замыселъ пьесы. Выполненіе его во многихъ мѣстахъ разочаровываетъ зрителя. Разочаровываетъ его и то, что много пьютъ, и то, что много и нудно остритъ пьяница Онуфрій, и то, что Теноръ—глупъ и самовлюбленъ, и то, что главное дѣйствующее лицо, старый студентъ, также скученъ и неинтересенъ, какъ и всѣ остальные. И всѣ эти обстоятельства вызываютъ осужденіе въ партерѣ. Но „галерка“, „верхи“ аплодируютъ неистово. Ихъ радуютъ и родные звуки „Gaudeamus'a“, и философія Онуфрія, и то, что на сценѣ полторы дюжины людей, такихъ же молодыхъ и жизнерадостныхъ, какъ и они сами. И это создастъ пьесѣ безспорный успѣхъ.

Играютъ пьесу у Незлобина скучно. Талантливый актеръ, г. Нероновъ не нашелъ подходящаго тона для стараго студента, и въ его исполненіи онъ еще скучнѣе, еще нуднѣе, чѣмъ задумалъ его авторъ. Г. Грузинскій въ роли Онуфрія тяжеловѣсенъ и благодаря ему, въ пьесѣ не одинъ, а два старыхъ студента! Игра г-жи Вульфъ въ роли Дины Штернъ удовлетворяла лишь въ немногіе моменты.

Обстановка и постановка слишкомъ среднія.

А. Н.